

Снегг достал волшебную палочку и начал читать заклинание, он взмахнул ею примерно с десяток раз, прежде чем убрать обратно.

— Всё по-прежнему, — произнес Снегг. — Магический контур заблокирован, поисковое заклинание не работает, заклинание возврата к истокам — тоже. Вчера вечером я испробовал третью версию...

Он замолчал и извлек из внутреннего кармана мантии маленький стеклянный пузырек с жидкостью темно-фиолетового цвета:

— Зелье, но магическое ядро Драко отвергает любые внешние вмешательства, словно дверь, запертая изнутри.

Луциус смотрел на него. Произнося эти слова, Снегг ни разу не повернулся ни к кому, его взгляд был прикован к лицу Драко, брови чуть сдвинуты, а губы сжаты в тонкую линию.

Это лицо ничем не отличалось от того, каким Луциус привык видеть его в коридорах Хогвартса или на возвышении в классе зельеварения: такое же холодное, такое же сдержанное, прячущее любые эмоции на самом дне, недоступное чужим взорам.

Но Луциус уловил крошечную трещину в этой броне: когда Снегг убирал маленький пузырек во внутренний карман, его пальцы сжали горлышко чуть медленнее, чем обычно. Пряча склянку, он задержал пальцы на стекле на мгновение дольше, будто проверяя, действительно ли это зелье бесполезно, и только после этого отпустил его в карман.

Это движение было едва уловимым — настолько, что, если бы Луциус не следил за ним неотрывно, он бы ни за что не заметил.

Он понимал боль Снегга лучше кто бы то ни было: переносить всеобщее непонимание, жить на положении шпиона под прикрытием, изо всех сил оберегать душу Драко и в конце концов принять мучительную смерть от яденых клыков Нагини.

Он знал обо всем этом.

Снегг из прошлой жизни всю жизнь, от начала и до конца, нес на себе непосильный груз. Этот на вид едкий и мрачный мужчина на самом деле был великим и одиноким героем.

— Сегодня во второй половине дня я займусь варкой четвертой версии, — сказал Снегг. — В рецепте будет изменена основа: вместо змеиной кожи я использую порошок лунного камня, возможно, это позволит обойти магический барьер.

Нарцисса мягко попыталась его утешить:

— Северус, ты ведь и прошлой ночью не спал.

— Я опробовал семь рецептов, — в голосе Снегга, подобно подводному течению подо льдом, бурлило подавленное изнурение и горечь поражения. — Семь. От самого мягкого зелья для сна до сильнейшего стимулятора темной магии — все без толку.

Закончив говорить, он молча опустился на стул. Черная мантия свесилась до самого пола, линия плеч слегка согнулась. Если бы не довелось увидеть это собственными глазами, никто бы не поверил, что всегда непреклонный и жесткий Снегг способен выказать такую беспомощность.

Луциус внезапно поднялся:

— Северус, пойдем со мной, мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

Снегг не шелохнулся, в его тоне прозвучало привычное сомнение:

— Зачем?

— В кабинет. Это очень важно.

Снегг изучал его взглядом целых три секунды, затем медленно поднялся, еще раз бросил взгляд на лежащего на кровати Драко и только после этого повернулся и последовал за Луциусом.

Когда Луциус проходил мимо Нарциссы, она протянула руку и легко коснулась его предплечья. Этим жестом она говорила: я останусь здесь, ступай без тревоги.

В коридоре Луциус молчал, Снегг тоже. Они один за другим миновали длинный коридор, устланный темно-зеленым ковром, пройдя мимо стен, сплошь увешенных портретами предков Малфоев.

Луциус толкнул дверь кабинета, пропустил Снегга внутрь, а затем затворил ее за ними.

Он взмахнул волшебной палочкой — язычок замка с сухим щелчком вошел в паз. Вслед за этим последовало второе заклинание — запирающие чары; третье — заглушающие; четвертое — антими́кстуровые чары против появления.

Четыре слоя барьеров наложились друг на друга, превратив кабинет в герметично изолированное пространство, полностью отрезанное от любых звуков внешнего мира.

Снегг стоял перед письменным столом, скрестив руки на груди, на его лице вновь застыло привычное выражение раздражения.

— И что это значит? — спросил Снегг. — Луциус, надеюсь, ты собрался поведать мне нечто действительно непотребное.

Луциус не ответил. Обойдя письменный стол, он опустился в кресло ближе к Снеггу и поднял на него глаза.

— Примени ко мне Легилименцию, — произвел Луциус.

На лице Снегга треснула маска невозмутимости, брови снова дернулись:

— Что ты сказал?

— Легилименция, — повторил Луциус. С момента перерождения это были его самые твердые слова. — Мне нужно, чтобы ты заглянул в мой разум.

Снегг в упор смотрел на него. В его взгляде читались подозрение, растерянность и глубоко запрятанная, почти сокрушительная усталость — он провел в этом поместье уже три дня.

Он просидел три ночи подряд, испортил семь котлов зелий, а теперь Луциус предлагает ему поиграть в Легилименцию?

— Тебя подчинили Империи? — спросил Снегг.

— Нет.

— Ты рехнулся?

— Нет.

— Тогда с какой стати я должен...

— Потому что я не могу высказать это словами, — оборвал его Луциус.

Брови Снегга медленно поползли вверх. Он развел скрещенные на груди руки и сделал два шага вперед, останавливаясь прямо перед Луциусом.

— Ты просишь применить Легилименцию к Малфою, — повторил он эту фразу, словно учитель,

проверяющий, действительно ли ученик осознает смысл сказанного. — Ты уверен?

— Я уверен, — спокойно ответил Луциус. — Я бы хотел, чтобы и Сисси смогла увидеть, но она не способна. Ты — последний, у кого я могу просить помощи.

Снегг на мгновение умолк, а затем поднял палочку, приставив ее кончик к виску Луциуса. Холодное дерево приятно холодило кожу:

— Легилименция.

Взор Луциуса потонул во мраке. Тяжелые воспоминания прошлой жизни вновь всплыли на поверхность, он позволил этим картинам выстроиться в ряд, распахивая двери навстречу чужому холодному проникновению, но невидимый барьер снова сработал.

Снегг изо всех сил влил духовную энергию в чужой разум, пытаясь продвинуться вглубь. Он ощутил нечто вроде преграды, но, как и в случае с Нарциссой, на определенном рубеже чужая воля оттолкнула его. Он надавил сильнее, но по-прежнему касался лишь краев памяти, не в силах продвинуться ни на йоту. Сам того не замечая, он с силой вжал кончик палочки в висок Луциуса, оставив на коже беловатый круглый след.

Вновь ничего. Барьер стоял сплошной прозрачной стеной, возведенной еще в прошлой жизни и протянувшейся до самого настоящего момента, отсекая все то, чему знать не положено, по ту сторону.

Снегг резко отдернул палочку.

— В твоём разуме что-то есть, — с тяжелым и пытливым выражением произнес Снегг. — Что-то грандиозное. Я нащупал границы, но пересечь их невозможно ни при каких условиях. Это ощущение... — он замолчал и плотно зажмурился, словно пытаясь что-то припомнить. — Это далеко не обычная Окклюменция.

Он подыскал подходящее слово и неохотно процедил:

— Что-то более первозданное. Словно сами законы мироздания.

Луциус медленно откинулся на спинку кресла, прижавшись затылком к кожаной обивке, и уставился глазами на светящийся круг, падающий от медной магической лампы на потолке.

— И ты тоже не видишь, — с горьким вздохом констатировал он.

Снегг выпрямился, пряча палочку в рукав. Внутри него боролись противоречивые чувства — подозрения насчет малфоевских интриг и понимание того, кому можно доверять. Наконец он

понижил голос:

— Чего именно ты от меня хочешь?

Луциус поднял голову. На смену всей его аристократической изворотливости пришло чистое, абсолютное доверие.

Он подался вперед и заключил Снегга в короткое, сдержанное объятие, лишенное всякого расчета — лишь искренняя, выстраданная за полжизни благодарность союзнику.

Снегг на мгновение окоченел, все его тело застыло. С ним никогда так не обращали, внезапная близость заставила инстинктивно насторожиться, но, окинув взглядом происходящее, он убедился: в этих объятиях нет ни хитрых замыслов, ни корысти, только тяжелый груз возложенного доверия.

Луциус быстро отстранился, возвращаясь на прежнее место, и заговорил низким, торжественным голосом:

— Помоги мне уберечь Нарциссу и Драко. Я боюсь, что грядущие события могут причинить им вред. Сейчас из всех людей я могу доверять только тебе, Северус.

Снегг повернулся, его черная мантия взметнулась в свете свечей причудливой дугой.

— Ты хочешь сказать, что в будущем случится нечто дурное?

— Я говорю лишь то, что... — Луциус посмотрел на него. — Я могу полагаться только на тебя.

Брови Снегга нахмурились. Его взгляд долго задерживался на лице Луциуса: он не до конца понимал все скрытые подоплеки его слов, но уловил главное: «помоги мне» и «только ты».

Спустя долгое время Снегг развернулся и направился к выходу из кабинета. Его черная мантия тянула за собой длинную тень по сине-фиолетовым отблескам света, и перед уходом он вновь обрел свой привычный ледяной тон:

— Я пересмотрю состав зелья.

В кабинете остался лишь один Луциус. Свет магической лампы падал на его сцепленные пальцы, и он опустил взгляд на собственные руки.

Совсем как тогда, когда он только очнулся после перерождения: десять чистых пальцев, никаких шрамов от Азкабана, никаких ожогов от темных проклятий. Но этой паре рук

предстояло сделать совсем не то, что в прошлой жизни.

Прежде чем все рухнет, он должен заложить фундамент заново.

И Снегг был его первым краеугольным камнем.

<http://bllate.org/book/21194/2145666>